

непрерывности опыта и универсальности причинной связи¹². Не следует забывать, что все последующие (после Отцов Церкви) размышления и «исследования» богословов и религиозных философов развивались под воздействием идеи творения из *ничего*.

Постижение мира, стремление достичь подлинной Истины возможно с религиозно-философской позиции на основе Откровения, а оно заведомо нерационализируемо, носит мистический характер. А где же находятся остальные знания? Для человека они *ничто*. Человек постепенно и с трудом, с заблуждениями приближается к Истине.

Подводя итог проделанным разысканием, можно утверждать, что категория *ничто* играет *специфическую* методологическую роль, способствующую выделению и фиксации сущего в процессе познания, а также может служить базовой основой для теоретических выводов относительно отрицания бытия для познания сущего. В современной философии, как показывает проведенное исследование, категория *ничто* во многом имеет иррационалистический характер, а это требует иной методологии, по сравнению с классической. Здесь требуется соответствующее переживание как сущего, так и *ничто*; это то, что невыразимо на языке рационалистических понятий. В этих границах методологию невозможно выразить. Она нуждается в иных средствах выражения.

Методологическая роль категории *ничто* состоит в стремлении более полно познать сущее, бытие, выявить его особенности.

Примечания

- ¹ Сапронов П. А. О бытии ничто. СПб., 2011. С. 68.
- ² См.: Гасилин В. Н. Солипсизм и его основные постулаты // Человек и мир : сб. ст. / под ред. проф. В. Н. Гасилина. Саратов, 1992. С. 20–29 ; Борухов Б. Л. Апология солипсизма // Человек. Культура. История : сб. ст. / под ред. проф. В. Н. Гасилина. Саратов, 1993. С. 23–37.
- ³ См.: Сапрт Ж. П. Бытие и ничто. Опыт феноменологической онтологии / пер. с фр., предисл., примеч. В. И. Колядко. М., 2000. С. 255–256.
- ⁴ Хайдеггер М. Время и бытие : статьи и выступления. М., 1993. С. 22.
- ⁵ Jaspers K. Philosophia : in 3 bd. В., 1948. Bd. 2. S. 4.
- ⁶ Сапрт Ж. П. Бытие и ничто. Опыт феноменологической онтологии. С. 42–43.
- ⁷ Там же. С. 44.
- ⁸ Там же. С. 45.
- ⁹ Там же. С. 46.
- ¹⁰ Цит по: Илларион (Алфеев), иеромонах. Таинство веры. Введение в православное догматическое богословие. М., 1996. С. 51.
- ¹¹ Флоровский Г. Догмат и история. М., 1988. С. 94.
- ¹² См.: Булгаков С. Н. Свет Невечерний. Созерцания и умозрения. М. ; Харьков, 2001. С. 279.

УДК 316.33

«МЕНТАЛИТЕТ» И «МЕНТАЛЬНОСТЬ» КАК КАТЕГОРИИ СОЦИАЛЬНОЙ ФИЛОСОФИИ

Э. М. Думнова

Новосибирская государственная архитектурно-художественная академия
E-mail: dumnova79@yandex.ru

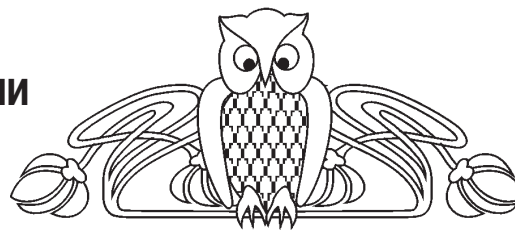
В статье рассматриваются методологические основания зарубежных и отечественных исследований менталитета в рамках различных научных подходов на протяжении XIX–XX столетий. В результате анализа трактовок категорий «менталитет» и «ментальность» и их соотношения в ряде исследований предлагается авторское обоснование дифференциации данных категорий в рамках социально-философского направления.

Ключевые слова: менталитет, ментальность, структура, подход, методология.

Mentality and Mental Setup as Categories of Social Philosophy

E. M. Dumnova

The article considers the methodological foundations of international and Russian studies of mentality within the framework of different

approaches in the XIX–XX centuries. Having analyzed interpretations of the categories *mentality* and *mental setup* and their interrelation in a number of studies, the author's justification of the differentiation of these categories in social philosophy is offered.

Key words: mentality, mental setup, structure, approach, methodology.

Актуализация исследования менталитета связана с назревшей объективной необходимостью взглянуть на человека комплексно, во всей совокупности проявлений его социальных качеств, обусловленных усложнением социальной структуры, а также ускорением динамики социальных процессов и изменением роли индивида в социальном пространстве. В этой связи на смену частнонаучным подходам к изучению индивида

пришел системный подход, востребованный в рамках как социальной философии, так и социологии, психологии. Целью данной статьи является анализ методологических позиций в исследованиях менталитета.

В формате современной науки изменяется подход к изучению человека: одномерность и двумерность в исследованиях, заданная позиционированием индивида как биосоциального существа, в 80–90-е годы XX в. продемонстрировала свою недостаточность, обусловленную изменением роли человека в социуме в связи с его многогранностью, формируемой рядом факторов. Современный российский исследователь П. В. Ушаков в их числе выделяет следующие: социальные, социально-психологические, техногенные, медико-биологические, духовные, нравственные¹. В условиях техногенной цивилизации произошли изменения образа жизни, её темп ускоряется, вместе с тем социальное пространство трансформируется и расширяет свои границы в процессе глобализации. Человек находится не только в реальном, но и в виртуальном пространствах, что требует от него больших жизненных сил, увеличивает нервную напряженность, вызывает стрессовые состояния. Созданная самим человеком искусственная реальность оказывает разноплановое влияние на его социальную практику, вносит коррективы в социальные отношения, в осознание его субъектности.

В целом усложнение социальной системы является объективным фактором выработки нового, комплексного подхода, формирующегося в конце XX в., к исследованию человека, отличающегося многомерностью. Внедрение данного подхода позволило развить ряд недостаточно изученных направлений в исследовании общества и человека, в числе которых особое место занимает проблема менталитета. Системный аспект комплексного подхода позволяет определить закономерности функционирования различных социальных групп, в которые включен индивид, а посредством включенности в социальную группу интегрирован в социальное пространство и в социальную картину мира. По мере исследования системных компонентов социума раскрываются многогранность и специфичность функционирования социальных групп, обусловленные коллективными характеристиками членов той или иной группы, факторами-детерминантами которых выступают природно-климатические условия, архетипы поведения, традиционная культура нации или этноса, обуславливающие закономерности социальных взаимодействий в группе, общие для ее членов особенности мировосприятия и мировоззрения. Таким образом, поле научных исследований расширяется в связи с включением в него проблемы менталитета, которая, как было отмечено, наиболее актуализировалась в конце XX в.

Вместе с тем понятие «менталитет» в научный оборот вошло несколько раньше, а затем потребовалось расширение его содержания в связи с новыми аспектами его рассмотрения и соотношения с другими базовыми категориями науки. К настоящему времени сложился ряд подходов к определению менталитета; данный термин порой отождествляют с термином «ментальность». Для уточнения позиций обратимся к этимологии данных слов. Ментальность, менталитет (от лат. *mens*, *mentis* – ум, мышление и *alis* – другие) определяются в «Новой философской энциклопедии» как глубинный уровень коллективного и индивидуального сознания, включающий и бессознательное; относительно устойчивая совокупность установок и предрасположенностей индивида или социальной группы воспринимать мир определенным образом². В русский язык слова «менталитет» и «ментальность» вошли как синонимы, только из разных языков: «менталитет» – из немецкого, от нем. *Mentalität* (склад ума, образ мыслей)³; «ментальность» – из французского, от фр. *mentalité* (направленность мыслей, умонастроение, ум, умственные способности, интеллектуальный уровень, склад ума и др.)⁴. Можно сказать, что их смысл тождественен и оперировать ими как синонимами.

Понятие «mentality» определяется в англоязычных психологических словарях как «качество ума, характеризующее одного индивида или класс индивидов»⁵, «обобщение всех характеристик, отличающих ум»⁶, «установки, настроение, содержание разума»⁷, «образ мыслей, направление или характер размышлений»⁸, «сумма мыслительных способностей, отличающихся от физических»⁹. По мнению ряда отечественных исследователей, такая лаконичность определений свидетельствует о недостаточной научной разработке данной дефиниции в англоязычных странах.

Сам термин «ментальность» был введен в научный оборот Л. Леви-Брюлем, занимавшимся сбором этнографического материала при изучении «коллективных представлений примитивных народов». Популярность в научной среде понятие «ментальность» получило благодаря публикации Л. Леви-Брюля «*La mentalité primitive*» (в русском переводе – «Первобытное мышление») в 1922 г.¹⁰ Автор выделяет два типа ментальности – дологический и логический, подчеркивая несоизмеримость мышления племен Австралии и Африки и рационального мышления, характерного для европейцев. Философское понимание ментальностей развивает Э. Кассирер, отмечающий возможность систематизации видов ментальностей в зависимости от способа восприятия окружающего мира. Позднее Э. Фромм вводит понятие «социальный характер», рассматривая его как синоним коллективных ментальностей.

Данное понятие использовалось в рамках социально-исторического подхода: так, французский историк А. де Токвиль писал о коллективных ментальностях в своей работе «Демократия в Америке», вышедшей в 1835 г., выявляя взаимосвязь расовых и социальных проблем, источниками которых, предположительно, были стереотипы, обусловленные коллективными ментальностями. Основы социально-исторического рассмотрения ментальностей были заложены французской исторической школой «Анналы» в 30-е гг. XX в. Л. Февр объясняет ментальность с позиций исторической и социоисторической психологии: он считает, что мыслительные привычки и установки, навыки восприятия и эмоции наследуются людьми без ясного осознания, это «наследство» формирует историю и самого человека. По его мнению, константные представления заложены в сознание людей языком, религией, культурой, а также воспитанием в процессе социального взаимодействия. Ментальность у Февра уже не мыслится как биологическая константа, а рассматривается как исторически складывающаяся структура, определяющая мысли, чувства, ценности и поведение людей.

Проблема менталитета в дальнейшем рассматривается представителями различных исторических европейских школ. Немецкие исследователи впервые стали рассматривать менталитет как социальный, а не психологический феномен. Российские ученые продолжили методологическую традицию, начатую западными исследователями. В рамках отечественных исследований менталитета можно выделить три направления: психологическое, социально-философское и культурологическое. Первое объединяет труды в области формирования ментальных структур сознания как социально-культурных проявлений субъекта; в их число входит теория культурно-исторического развития личности Л. С. Выготского; исследования социально-гендерных установок и стереотипов как структурных элементов национальной ментальности Л. И. Анцыферовой, А. А. Кроник, А. В. Петровского, С. Л. Рубенштейна, Г. Г. Шпета, М. Г. Ярошевского; теория деятельности А. Н. Леонтьева, а также концепция личности как субъекта жизни, разработанная К. А. Абульхановой-Славской; теория социальной репрезентации ментальных структур сознания в обыденной социокультурной реальности А. Г. Асмолова. Ряд теоретиков данного направления (А. Г. Асмолов, В. А. Душков, Г. Г. Шпет и др.) считают, что ментальные структуры сознания личности задают паттерны ее познания и поведения в обществе, при этом немаловажным является исследование этноментальных структур сознания, влияющих на систему ценностей и представлений будущих поколений конкретного этноса¹¹.

В контексте нашего исследования представляется весьма важным анализ становления социально-философского подхода. Социально-философская традиция исследования специфики русского менталитета была заложена в XIX в. плеядой русских ученых, в числе которых были Н. Я. Данилевский, В. С. Соловьев, В. В. Розанов, Н. А. Бердяев, С. Л. Франк, Б. П. Вышеславцев, Л. Н. Гумилев, И. А. Ильин, Н. О. Лосский, К. Г. Манштейн, О. А. Платонов, И. А. Солженицын. В более поздний период менталитет как социально-философский феномен рассматривается в работах Е. И. Ануфриевой, Л. В. Лесной, Ф. Т. Аутлеевой, Ю. В. Колесниченко, Г. Г. Дилигенского и др.; выявлена проблема неопределенности терминологического соотношения менталитета и ментальности, которой посвящены труды Г. Н. Дрепы, А. Н. Дмитриева, Э. Я. Дмитриевой, Е. Ю. Зубковой, А. И. Куприянова, Т. В. Ивановой и др. Исследователи отмечают многовариативность в трактовке терминов «менталитет» и «ментальность», Н. С. Южалина также различает понятия «менталитет» и «ментальность»¹². По ее мнению, ментальность выявляет определенные, контекстные (социальные, локальные, исторические, региональные) уровни, структурирующие целое менталитета (дворянская ментальность в системе русского менталитета), но и она признает условность этого разграничения. Несмотря на общую синонимичность понятий «ментальность» и «менталитет», О. М. Казакова отмечает специфику в их употреблении. *Менталитет* чаще используют для характеристики более широких, общих явлений, а *ментальность* – для более частных¹³.

По мнению ряда исследователей, *менталитет* – то же, что и традиционное сознание, т.е. система мировоззрения, основанная на этнической картине мира, передающаяся в процессе социализации и включающая в себя представления о приоритетах, нормах и моделях поведения в конкретных обстоятельствах. «Ментальность» используется как понятие, производное от отмеченного выше термина.

Ментальность определяется как некое свойство традиционного этнического сознания представителей того или иного этноса особым образом отражать определенную этническую картину социокультурных отношений в поведении. Ментальность отражает тот пласт общественного и индивидуального сознания, в котором фактически отсутствуют систематизация, рефлексия и саморефлексия. Отдельные идеи являются не результатом деятельности индивидуального сознания, а представляют собой неосознанно и автоматически воспринятые установки, общие в целом для той или иной эпохи и социальной группы. Коллективными детерминантами обусловлены представления и верования, традиции, а также

имплицитно содержащиеся в сознании ценности, установки, мотивы и модели поведения, лежащие в основе рационально построенных и логически осмысленных концепций, теорий, идеологических систем. Ментальность выражает свое архетипическое содержание посредством культуры, т.е. через определенный культурный код, носителем которого, в первую очередь, является интеллигенция.

Менталитет, по мнению А. Я. Гуревича, представляет собой тот уровень общественного сознания, на котором мысль не отделена от эмоций, от ментальных привычек и приемов сознания, – люди ими пользуются, обычно сами того не замечая, т.е. бессознательно.

В рамках психологического подхода к исследованию менталитета И. Г. Дубов отмечает, что менталитет, будучи явлением умственного порядка, вовсе не идентичен общественному сознанию, а характеризует лишь специфику этого сознания относительно общественного сознания других, как правило, численно больших, групп людей¹⁴.

Использование терминов «менталитет» и «ментальность» еще не разграничено, существуют разные мнения по вопросу их соотношения. Обсуждению данной методологической проблемы был посвящен круглый стол, материалы которого были опубликованы в журнале «Вопросы философии» в 1993 г. Предлагались разнообразные типологии менталитета и ментальностей, обусловленные подходами к трактовке данной проблемы.

Одна из структуриаций менталитета основана на субъекте общественного сознания и объекте его отражения¹⁵. В рамках исследования менталитета выделяют его структурные уровни по характеру экстра- или интравертности реакции субъектов:

1) партикулярный уровень, или бессознательное отражает общие тенденции частной жизни и во многом обуславливает формирование личности и ее социальных ролей, а также характер взаимоотношений с другими индивидами. Это – привычные бытовые отношения, ритуалы, социальные нормы, ценности, оценки, словом, отчасти нерелексированный мир социальных взаимодействий;

2) «духовная самость» – культура конкретной социальной общности, ее специфика, адаптивные способности, проявляющиеся на рефлексивном уровне;

3) социальный отклик – реакция общности или индивида на политику, государственную власть, реформы и т.п.;

4) метасоциальный уровень – этнокультурная ориентация вовне с параллельным обращением внутрь себя (например, национальная идея, которая имеет большое последствие).

Представленная типология может быть использована при исследовании менталитета молодежи. В ней отражены разноплановые характеристики менталитета, например, переход

от партикулярного (частного) к метасоциальному (всеобщему) уровню, т.е. типологию можно рассматривать с точки зрения структурно-организационного подхода. Кроме того, в данной классификации происходит постепенное усложнение структурных уровней менталитета: от бессознательного – к сознательному, вплоть до широкого общенационального мировоззрения. Наконец, в ней отражены экстравертные и интровертные характеристики. Первый уровень – исходно интровертный с выходом вовне; второй содержит осознание ментальной идентичности, ее интровертность с формированием духовной самости; третий предполагает выход осознанной духовной самости вовне как экстравертный социальный отклик с соответствующим накоплением новых знаний. Четвертому уровню соответствует вновь интровертный процесс наиболее широкого осознания социальной реальности на основе исходных ментальных характеристик как системообразующих, в результате чего формируется наиболее широкая мировоззренческо-ментальная идентичность нации. В целом в основе предложенной классификации лежит структурная динамика процесса формирования менталитета.

На наш взгляд, при определении менталитета стоит учесть социальные характеристики его субъекта-носителя. Культурно-исторический контекст социальной жизни определяет специфику общественного сознания большой по численности общности людей, например, этноса или нации, что обуславливает поведенческие стереотипы, лингвистические особенности и т.д. Вместе с тем, когда речь идет о конкретной социальной общности, группе, функционирующей в рамках данной социальной системы, весьма рельефно выражены их восприятие мира, мировоззренческие характеристики, а также поведенческие образцы. Они в совокупности обусловлены не только проживанием на территории с той или иной культурой и историей, а в большей степени уровнем образования, кругом общения, профессией, доходом и другими социальными характеристиками, которые лежат в основе социальной дифференциации и определяют социальный статус группы. В этой связи ментальные характеристики следует отнести к более узким по численному составу социальным группам и общностям. Такая частная ментальность формируется на фоне общенационального менталитета как отражение социальных характеристик отдельных структурных компонентов социума.

Вследствие недостаточной научной разработки категории «менталитет» как в западных, так и в российских исследованиях часто встречается терминологическая инверсия, которая не рассматривается в качестве методологической ошибки, а лишь отображает высокую степень методологической пластичности термина «менталитет».

Полагаем, что в социологических исследованиях можно развести понятия «менталитет» и «ментальность» как относящиеся к разным уровням организации социальной реальности. По нашему мнению, «менталитет» в большей мере соотносится с метасоциальным уровнем, а понятие «ментальность» можно эффективно применять при исследовании более частных уровней, например, социальных групп, и определить её как социально-групповую ментальность.

Примечания

- 1 См.: Ушаков П. В. Человек в современном знании и мистических практиках : в 2 кн. / под. ред. А. С. Фролова. Барнаул, 2008. Кн. 1. С. 44.
- 2 См.: Новая философская энциклопедия : в 4 т. М., 2001. Т. 2. С. 525.
- 3 См.: Немецко-русский словарь (основной). М., 1992. С. 591.
- 4 См.: Новый французско-русский словарь. М., 1997. С. 681.
- 5 Reber A. S. The penguin dictionary of psychology. N.Y., 1985. P. 484.
- 6 Drever J. Dictionary of psychology. L., 1967. P. 171.
- 7 Universal Dictionary. 1957. L., P. 170.
- 8 Webster's Third New International Dictionary. L., 1961. P. 1411.
- 9 Funk & Wagnalis. New standard dictionary of the English language. N.Y., 1962. P. 1512.
- 10 См.: Леви-Брюль Л. Первобытное мышление. М., 1930. 533 с.
- 11 См.: Нагиева В. Г. Влияние менталитета на представление молодежи о своем будущем // Вектор науки Томск. гос. ун-та. 2011. № 4(7). С. 191–193.
- 12 См.: Южалина Н. С. Менталитет как социокультурная целостность : автореф. дис. ... канд. культурологии. Челябинск, 2003. 30 с.
- 13 См.: Казакова О. М. Менталитет и языковая картина мира // Интеллектуальный потенциал ученых России : тр. Сибирского ин-та знания. Вып. V. Барнаул, 2006. С. 87–91.
- 14 См.: Ментальность россиян (специфика сознания больших групп населения России) / под общ. ред. И. Г. Дубова. М., 1997. 475 с.
- 15 См.: Мостовая И. В., Скорик А. П. Архетипы и ориентиры российской ментальности // Полис. 1995. № 4. С. 69.

УДК 130.2

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ АВАНГАРД В СОВРЕМЕННОЙ КУЛЬТУРЕ: ФИЛОСОФСКИЙ АСПЕКТ

А. И. Жевак

Саратовский государственный университет
E-mail: anna-jevak@rambler.ru

В статье проводится философско-культурологический анализ феномена художественного авангарда и его роли в социокультурном пространстве современного общества. Проблематизируются вопросы статуса художника, творящего в условиях неоднозначного современного искусства. Основное внимание автор обращает на взаимосвязь внешних параметров социокультурной реальности и динамики развития современного искусства под влиянием и во взаимодействии с данными параметрами.

Ключевые слова: искусство, художественный авангард, творчество, современная культура, современные тенденции развития искусства.

Art Avant-Garde in the Modern Culture: Philosophical Aspect

A. I. Jevak

This article is devoted to cultural-philosophical analysis of a phenomenon of art avant-garde and its role in the sociocultural space of modern

society. The questions of the status of the artist creating in the conditions of the ambiguous modern art are carried out. Interrelations of external parameters of sociocultural reality and dynamics of development of the modern art under the influence and in interaction with these parameters are analyzed.

Key words: art, art avant-garde, creativity, modern culture, current trends of development of art.

Заявленная тема исследования актуализирует насущный вопрос в проблемном поле современной культуры – осмысление искусства в его связи с философией. Следует отметить, что данная философская рефлексия не нова. К этой теме, например, обращался выдающийся испанский мыслитель Х. Ортега-и-Гассет, который обнаружил некий параллелизм в развитии искусства и философии. Рассматривая эволюцию европейской живописи как последовательную смену определенных этапов, он заметил, что «подобный путь прошла и западная философия, а такого рода совпадения